

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

К 100-летию со дня рождения Евгения Вахтангова

«Если мы хотим заниматься искусством, мы сами должны стать лучше. Проповедовать, идти впереди — я не могу, но я могу идти вместе с вами», — говорил Вахтангов своим ученикам на занятиях в Студенческой (Мансуровской) студии — будущем Театре имени Евг. Вахтангова.

Моральные и эстетические принципы служения театру слились воедино в личности Вахтангова. Актер, режиссер, музыкант — он со студенческих лет увлекался игрой на мандолине, веселый, жизнерадостный человек, автор неиссякаемых шуток, розыгрышей, адумчивый и требовательный педагог...

Многогранность его творческой натуры проявлялась и в литературных опусах ранних лет, и в повседневной жизни, и в театрально-педагогической работе. Он обладал способностью брать из жизни все для театра, а театр переносить в каждодневный быт. И он был всегда современен, как современен и сейчас, через 60 лет после смерти, в дни, когда отмечается 100-летие со дня его рождения. Может быть, потому, что тема взаимоотношений человека и общества, их взаимосвязи и противоречий всегда волновала Вахтангова.

Еще девятнадцатилетним юношей во Владикавказе Женя Вахтангов писал о больших вопросах своего времени. Эти рассказы предназначались для гимназического журнала. Здесь и трогательно-сентиментальная «Рождественская ночь», написанная скромно, безыскусно, хотя и несколько подражательно; здесь и тонкий психологический этюд «Из дневника «Хамелеона», где проглядывают острая наблюдательность будущего режиссера, литературный вкус, лаконизм и беспощадность в разоблачении корней хамелеонства.

Эти два предлагаемых сегодня вниманию читателей «Литературной России» и не публиковавшихся ранее рассказы Евг. Вахтангова из ученических журналов 1901—1902 годов — «Из дневника «Хамелеона» и «Рождественская ночь» — хранятся в ЦГАЛИ СССР.

М. СИТКОВЕЦКАЯ,
старший научный сотрудник
ЦГАЛИ СССР

Евгений ВАХТАНГОВ.

Евгений
ВАХТАНГОВИЗ ДНЕВНИКА
«ХАМЕЛЕОНА»

27 августа

Решительно не могу понять моих товарищей по классу. Чего они так ко мне пристають? Например, сегодня до урока алгебры я поспорил с одним из них о том, справедливы ли наш учитель математики. Я всегда получаю у него четверки и достоин этой отметки потому, что я хорошо знаю математику и очень редко списываю задачи у товарищей. Следовательно, учитель справедлив, если он беспристрастно оценивает ответы. Ну так вот я стал доказывать, что справедливее Петра Афанасьевича ничего не может быть. Ученики (эдакие, право, глупцы) осмелили меня. Долго бы они издевались надо мной, если бы приход Петра Афанасьевича не прекратил их дерзкие шутки.

Урок начался. Вдруг вызывает меня. Со страхом иду к доске и принимаюсь за задачу. Я настолько волновался, что забыл все формулы, и как ни вертел задачу, с какой стороны ни брался — не мог решить. Один из учеников, Фагин (к слову сказать, самый порядочный человек в классе), подбросил мне бумажку с решением, и я кое-как переписал его на доску. Нужно было объяснить задачу, но в это время у меня страшно заболела голова, так что я не был в состоянии произнести ни одного слова.

— Вы решили задачу, но объяснить ее не можете, — сказал мне Петр Афанасьевич.

Я хотел сказать, что я нездоров, но он не дал мне высказать этого.

— Теперь, если я вам поставлю единицу, будет ли это справедливо? — спросил он.

— Конечно, Петр Афанасьевич, вы не позволите себе допустить несправедливости, — сказал я.

Не знаю, почему я сказал это. Мне хотелось сказать,

что я болен, что несправедливо ставить единицу, когда человек рта не может раскрыть от сильной головной боли. Но что делать... Слова застряли в горле, и язык пролепетал совсем другое... Но зато, когда кончился урок и боль прошла, я на весь класс заорал, что Петр Афанасьевич — вопиющая несправедливость...

Вот, думаю, ученики обрадуются, скажут, что наконец-то я раскусил Петра Афанасьевича. И что вы думаете... Они презрительно отвернулись от меня и называли «хамелеоном». Эдакое дурачье.

1 сентября

Однако прозвание мое так и осталось за мной. Кроме «хамелеона», я ничего не слышу. До сих пор я не знал, что означает это слово, сегодня же взглянул в словарь иностранных слов и окончательно убедился в глупости и неизобретательности моих коллег. Хамелеон это животное рода ящерицы, имеющее ту особенность, что может по произволу менять цвет своей кожи. Не знаю, чем я похож на ящерицу. За фигуру меня скорее можно было бы назвать слоном, но не ящерицей... Ей-богу, поражаюсь глупости учеников.

14 октября

Сегодня в классе решили не подавать работы, заданной на 17 октября. Предложение это сделал Фагин, и все ученики согласились с ним. Я первый крикнул «ура», причем они как-то особенно похлопали меня. Решение наше было необходимо потому, что к 17-му нужно еще приготовить всю Древнюю Грецию... Придя после уроков домой, я заметил у маленького брата брошюрку, из которой он собирался делать кораблики и петушков. Я подсел к нему и... представьте мою радость! Брошюрка заключала в себе как раз то сочинение, которое нам задано на 17 октября... Я сейчас же вырвал ее у брата и за час написал работу. Но подавать я ее не буду. Раз класс решил не подавать — так и надо делать. Подлости не позволю.

17 октября

Урок русского языка. Встает Фагин и заявляет, что

работа будет подана 20-го числа и не исполнена на сегодня потому, что было много работы по истории. Какой смелый этот Фагин. Какая симпатичная личность. Нездаром все его так любят... Я со страхом смотрел на преподавателя и ждал, что будет. Преподаватель раскрыл журнал, вызвал несколько лучших учеников, в том числе и бедняжку Фагина, и поставил им по единице. Затем, ни слова не говоря, он закрыл журнал и, сидя на кафедре, молча дождался конца урока. Он, наверное, был сильно огорчен. Разве из обидно ему, что ученики не исполняют заданных уроков. Я мысленно представил себя в его положении и мне стало жаль его...

Когда кончился урок, преподаватель так же молча вышел из класса и направился в учительскую, которая находилась в конце коридора. Мне еще более стало жаль его, и вот я потихоньку от учеников захватил тетрадку с сочинением и побежал за преподавателем. Мне хотелось доказать ему, что класс не так распущен, как он думает, и что есть ученики, которые работают. Догнав его у учительской, я подал ему тетрадь.

— Что это? — нахмурившись, спросил он.

— Сочинение, Георгий Иванович. У меня было время написать его, так как по истории я приготовил еще на прошлой неделе, — ответил я.

— Почему же вы не подали в классе?

— Потому, Георгий Иванович, что класс решил не подавать работу, и если бы я подал при всех, то...

— А, так значит вы стоварились заранее, — нахмурился брови, проговорил он и взялся было за ручку двери.

Я остановил его.

— Ей-богу, Георгий Иванович, я ничего. Я никогда не позволю себе не приготовить урока... Я даже протестовал, но Фагин так настаивал, что меня не захотели слушать, — проговорил я и заранее мечтал услышать от него похвалу...

Он взглянул на меня, взял тетрадь и, что-то сказав про себя, вошел в учительскую... но я расслышал то, что он сказал: это было глупое, знакомое мне слово — «хамелеон».

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
НОЧЬ

Мороз стоял жестокий — настоящий сибирский мороз. Без пощады охватывал он своим ледяным дыханием лица, высывавшиеся из шуб, румянил щеки и носы, белил инеем бороды и брови и потираливал всех оканчивавших свои дела и ехать домой, невольно навевая мысли о теплом угле. Вьюга злилась все более и более. Она бешено кидалась на дома, потрясала вывески и ставни, завывала в трубах, и, врываясь в щели скверных домишек, не давала пощады несчастным обитателям неприятных холодных углов и безжалостно терзала тех запоздалых путников, которых нужда выгнала на улицу в костюмах, далеко не соответствующих такой погоде.

В это самое время по Большой улице быстро двигалась тчедущная фигурка в гимназической фуражке, надвинутой на лоб, в легоньком куцем потертом пальтишке. Фигура поминутно кашляла, и тогда слезы навертывались на глазах от сильного мороза. «Неужто и сегодня не дадут? — думалось путнику. — Ведь вот уже три дня прошло с того дня, как я должен был получить за репетиторство. Неужто и в самом деле не дадут?» Тут он погрузился в мрачные думы. Вспомнил, что дома ждет его мать, которая после смерти мужа, распродав имущество и уплатив его долги, сделанные по необходимости, осталась совсем без средств. Вспомнил он, что и сестренка ждет не дожидется, когда ее «блатец Селеза» принесет ей обещанный для праздника гостинец. Вспомнил и о том, что нужно хоть немного подновить свою обувь и пальто, а то оно совсем истрепалось и даже не может защитить его от холода.

Мороз затрещал сильнее, Сережа удвоил шаги и вскоре очутился у высокого подъезда трехэтажного дома. Здесь он немного передохнул и взялся за ручку звонка. Дверь отворилась, и в ней

появилась голова швейцара. Сережа уже было направился прямо в переднюю, но швейцар грубо остановил его: «Сегодня панич заниматься не будут. Велели прийти после праздников». «Да я, Игнатий...» Но Игнатий не дал договорить юноше и поспешил захлопнуть дверь перед носом оторопевшего Сережи. «Ишь, тоже шляются перед праздниками, будто и не знают, что у господ без них дела много!» — услышал он за дверью голос швейцара. Тут уж не в силах был вытерпеть. Как? За его труды, за его заботы об успехах лентяй-барчука его почти выгоняют, за то, что он не спал ночей, работая на двоих, — ему не только не дают его с таким трудом заработанных денег, но даже осмеливаются говорить, что он «шляется» не вовремя. «Так когда же, по-вашему, шляться!» — вскричал он осипшим голосом.

«Тогда, когда совсем есть нечего будет, когда...», — и он не мог договорить, кашель душил его.

Долго не мог он успокоиться, когда же приступы кашля прошли, он с тяжестью, с тоскою в душе тихо, сам не зная куда, поплелся. А леденящая вьюга паксвоэ пронизывала тчедущное, плохо прикрытое тело юноши. Он шел теперь глухим переулком, подымаясь в гору, как вдруг чья-то рука, неожиданно опустившаяся на его плечо, вызвала его из тяжелого раздумья.

Перед ним стояла, вся вздрагивая и ежась, довольно страшная мужская фигура, одетая совсем не по сезону в кургузое пальто, с какой-то лохматой шапкой на голове. Голая шея выглядывала из-под легкого одеяния, и на ногах были какие-то калоши, заменяющие обувь. Сережа с удивлением смотрел на незнакомца, лицо которого с большой обледеневшей бородой и с маленькими узенькими глазами почему-то внушало ему доверие.

«Помогите хоть вы, барин!» — проговорил с трудом незнакомец, стараясь не глядеть на Сережу, которого смущал убитый вид стоящего перед ним старика. «Ей-богу, барин, нужда. Коли б не нужда — не просил бы, не протянулся бы рука за подающим! Помогите, барин хороший! Не для себя прошу, мне не нужно: парнишка мой захворал. Два дня кое-как кормил его, сам не евши, а теперь и корочки-то нигде не могу найти. Все отказывают, говорят, что срам просить, когда можно заработать. Эх, барин, легко сказать: ступай работать, а где работать? Что работать? Не хотят сказать, не хотят подумать». И старик, поникнув головой, замолчал. Молчал и Сережа. Чем мог ему помочь этот мальчик, который находился почти в том же положении? Был у него единственный полтинник, на который должна была завтра просуществовать его семья, послезавтра же он надеялся получить деньги. Рука его машинально опустилась в карман, нашарила там заветный полтинник и сунула его в руку старика. «Вот все, что у меня есть», — еле проговорил он и, чтобы скрыть наворачившиеся слезы, стрелой побежал по переулку. Старик долго глядел ему вслед, что-то подкашивало ему, что этот полтинник очень нужен был удаляющемуся юноше, и он вдруг крикнул: «Барин! Барин!» Но тот уже скрылся в снежной мгле, и старик тихо побрел, прижимая к груди полтинник.

А вьюга пуще злилась и завывала.

ПУБЛИКУЕТСЯ
ВПЕРВЫЕ